

## **Основные направления и особенности изучения международных отношений и внешней политики КНР в России в период 2000–2013 гг.**

© 2013

*В. Портяков*

Рассмотрены основные направления исследований международных отношений и внешней политики КНР в России в 2000–2013 гг. Центральное место отведено современному российско-китайским отношениям, в т.ч. работам комплексного характера, публикациям о границе, межрегиональном взаимодействии и сотрудничестве двух стран в международных форматах. Охарактеризованы особенности исследований китайско-американских отношений. Проанализировано изучение новых моментов во внешней политике КНР.

*Ключевые слова:* Россия, Китай, китаеведение, международные отношения, внешняя политика.

### **Общая характеристика исследований**

Период 2000–2013 гг. по сравнению с 1990-ми годами отмечен существенным расширением масштабов и заметной диверсификацией форм и методов изучения в России международных отношений и внешней политики Китайской Народной Республики.

Это напрямую связано с укреплением в 2000-е годы позиций Китая в мировой экономике и политике, последовательным развитием и углублением двустороннего российско-китайского сотрудничества, сходством подходов РФ и КНР ко многим международным проблемам и событиям в тех или иных «горячих точках», с растущим вовлечением значительных масс населения двух стран в непосредственные контакты друг с другом — туристические, образовательные, торгово-экономические, культурные. Наконец, заметно возрос вес китайского фактора в выборе Россией приоритетной самоидентификации — евроатлантической или, напротив, евразийско-тихоокеанской.

Для приграничных с КНР российских регионов многоплановые связи с соседними китайскими городами и провинциями начали абсолютно доминировать в их международных связях в целом. Постепенно не только Владивосток и Хабаровск, но также Благовещенск и Чита становились площадками проведения крупных регулярных конференций и подготовки изданий по Китаю с анализом российско-китайских отношений и другой проблематики, связанной с КНР. Аналогичные события периодически происходили также в Барнауле, Екатеринбурге, Челябинске, Томске, Красноярске. В последние годы исследование международных отношений Китая активизировалось в Санкт-

---

*Портяков Владимир Яковлевич*, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

Петербурге, прежде всего на факультетах Международных отношений и Восточном Санкт-Петербургском государственном университете.

В Москве в целом сохранилась исторически сложившаяся ведущая роль Института Дальнего Востока в изучении современного Китая и внешней политики КНР. Вместе с тем, интересные труды по различным аспектам международных отношений КНР были созданы в МГИМО (Университет), Дипломатической академии МИД РФ, Институте мировой экономики и международных отношений, Институте востоковедения и Институте Африки РАН.

Намного шире, чем в 1990-е гг., публикации российских китаеведов-международников оказались представлены в отечественных общеполитических и специализированных газетах (в т.ч. в ведущих — «Коммерсант», «Независимая газета», «Время новостей» (до 2011 г.), «Российская газета») и журналах. Здесь к традиционным изданиям — «Восток», «Азия и Африка сегодня», «Проблемы Дальнего Востока», «Мировая экономика и международные отношения» — добавились новые, регулярно публикующие статьи о внешней политике КНР и ее позиционировании в системе международных отношений — «Россия в глобальной политике», «Международные процессы», вестники ряда вузов, а также Восточного факультета СПбГУ и Института стран Азии и Африки при МГУ. Чаше, чем прежде, статьи об отношениях Китая с Россией, США и другими странами стал помещать журнал Министерства иностранных дел России «Международная жизнь».

В предкризисный период на протяжении нескольких лет издавался иллюстрированный ежемесячный журнал «Россия — Китай: XXI век» (гл. ред. А.В. Лукин), пользовавшийся популярностью как у специалистов-китаеведов, так и у широкой общественности. С учетом востребованности китайской проблематики практиковался выпуск специальных номеров «интеллектуальных» журналов, посвященных Китаю и его международным отношениям. Например, «журнал для медленного чтения» «Отечественные записки» подготовил спецвыпуск «Дыхание Китая» (2008, № 3), авторами которого стали около полутора десятков экспертов, пишущих на китайские темы.

Российские ученые в 2000-е гг. стали активно привлекаться к комментированию политики Китая на радио («Радио России», китайская редакция «Радио России», «Эхо Москвы»), телевидении, на лентах и в передачах российских, китайских и иностранных информационных агентств и Интернет-сайтов.

Чаше, чем в 1990-е гг., стали проводиться очные и заочные «круглые столы». Так, в 2005 г. в ИДВ РАН был проведен «круглый стол» с анализом сборника материалов самой представительной за долгие годы конференции в КНР по китайско-российским отношениям<sup>1</sup>, в конце 2010 г. — «круглый стол» «Меняющийся Китай в меняющемся мире»<sup>2</sup>, в 2012 г. — заочный «круглый стол» российских и американских китаеведов об истории, современном этапе и возможных перспективах отношений в треугольнике «Россия — Китай — США»<sup>3</sup>.

Наряду с традиционными аспектами международных отношений КНР внимание ученых привлекает внешнеполитический инструментарий Пекина, включая политику партнерства, добрососедства, позиционирование в ООН, экономическую дипломатию<sup>4</sup>.

Попадают в поле зрения исследователей и вопросы народной дипломатии — здесь следует выделить фундаментальный труд Г.В. Куликовой об Обществе российско-китайской дружбы<sup>5</sup>, а также относительно новые сюжеты, связанные с попытками КНР улучшить свой образ в мире за счет активного использования инструментов «мягкой силы»<sup>6</sup>.

Наконец, нельзя не отметить широкое обращение ученых к разного рода опросам общественного мнения по вопросам позиционирования Китая в мире и его отношений с теми или иными странами, которые достаточно регулярно проводятся в западных странах и периодически — в России и в самой КНР<sup>7</sup>.

### Подведение итогов 1990-х гг.

В начале 2000-х гг. в России был опубликован ряд монографий, ставших своеобразным итогом изучения отечественными специалистами международных отношений и внешней политики КНР в 1990-е годы.

Творческое содружество квалифицированного коллектива китаеведов, корееведов, японоведов, вьетнамистов, индологов дало возможность издать в 2001 г. фундаментальный труд «Границы Китая: история формирования», остающийся по сей день одной из лучших российских публикаций постсоветского периода по истории международных отношений КНР. Монография, вышедшая под общей редакцией известных ученых-китаеведов В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова, имела целью максимально учесть такие новые аспекты международных отношений, как «расчленение Советского Союза и образование новых государств, объединившихся в СНГ», трансформацию политики КНР в отношении сопредельных государств и переход к курсу «конструктивного добрососедства».

Одновременно авторы отмечали «обеспокоенность российской общественности» сохранением в научной и популярной литературе современного Китая стереотипов России как «захватчика китайских территорий», «недобросовестного партнера в международных отношениях»<sup>8</sup>.

Следует особо отметить анализ в монографии Е.Д. Степановым процесса становления морских рубежей Китая<sup>9</sup> — проблемы, приобретшей в 2009–2013 гг. особую остроту. Свое видение формирования границ Китая Евгений Дмитриевич подытожил в монографии «Политика начинается с границы: некоторые вопросы пограничной политики Пекина второй половины XX в.»<sup>10</sup>.

Анализ территориальных споров о принадлежности расположенных в Южно-Китайском море островов Парасельских и Спратли (Сиша и Наньша) был дополнен и углублен в работах российских специалистов по Юго-Восточной Азии Е.А. Канаева (ИМЭМО РАН), Я.В. Лексютинной и В.Н. Колотова (Санкт-Петербургский университет), Д.В. Мосякова (Институт востоковедения РАН)<sup>11</sup>.

Известный специалист по советско-китайским отношениям Б.Т. Кулик принял попытку раскрыть глубинные причины советско-китайского раскола, видя в этом «центральную ось проблемы отношений между КНР и СССР». В его монографии «Советско-китайский раскол: проблемы и последствия» представлен солидный фактический материал, приводится немало интересных фактов. Например, отмечается, что в 1958 г. Н.С. Хрущев, столкнувшись с негативной реакцией Мао Цзэдуна на свое предложение о создании совместного советско-китайского атомного подводного флота и о строительстве длинноволновой радиостанции, буквально сразу же пошел на попятную и дезавуировал его<sup>12</sup>. Между тем китайские авторы даже в работах 2000-х годов нередко ссылались на это предложение как свидетельство «намерений Москвы поставить Китай под свой контроль».

В то же время особенности идеологической позиции автора, полагавшего, что «ревизионистские концепции» были активно использованы «прорабами» горбачевской «перестройки» в «антисоциалистических целях», привели его к абсолютно неверному, на мой взгляд, выводу, будто «советско-китайский раздор представляет собой порождение и отражение двух внутренних процессов... — процесса борьбы с капиталистической реставрацией в КНР и процесса вырастания и углубления антисоциалистических тенденций в СССР»<sup>13</sup>. К слову сказать, эволюция советско-китайских отношений и динамика их нормализации была рассмотрена в более традиционном и одновременно в более конструктивном ключе в монографии Ю.С. Пескова «СССР — КНР: от конфронтации к партнерству» (М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2007. 204 с.).

Своего рода инвентаризация концептуальных основ внешней политики КНР и ее подходов к основным субъектам международных отношений на рубеже XX—XXI вв. была представлена в учебнике МГИМО (Университет) «Китай в мировой политике», написанном группой экспертов из Москвы (МГИМО, институты Дальнего Востока, Востоковедения, Мировой экономики и международных отношений РАН) и Владивостока при участии специалистов из КНР и США<sup>14</sup>. В его «Заключении» ответственный редактор-составитель А.Д. Воскресенский дал в целом оправдавшийся прогноз тех стратегических целей, которых в обозримой перспективе намеревался добиваться Пекин во внешней политике. В их числе были названы: признание мировым сообществом территориальной целостности Китая и его особых прав в акватории Южно-Китайского моря, особого положения в Центральной Азии, продвижения употребления китайского языка в Азии<sup>15</sup>. Все эти вопросы сегодня находятся на ведущих местах в перечне внешнеполитических приоритетов КНР.

Адаптации внешнеполитического курса Пекина к существенно изменившимся в 1990-е гг. — после окончания «холодной войны» и распада СССР — международным условиям посвящена монография В.А. Корсуна «Внешняя политика Китая на пороге XXI века» (2002). Автор исследовал усилия КНР по выходу из международной изоляции, в которой она оказалась после санкций западных держав, последовавших за трагическими событиями на площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 г. Рассмотрена политика Китая на фактически новом направлении — постсоветском пространстве, на Корейском полуострове и в Азии в целом, а также по отношению к США. В.А. Корсун справедливо обратил внимание на признание в КНР уже в 1990-е годы безальтернативности «тенденции развития мира в направлении многополярности» и на то обстоятельство, что уже к середине десятилетия концепция «глобализации» перестала игнорироваться в Пекине и нашла свое место в его проектах «нового мирового порядка»<sup>16</sup>. Оправдался и общий вывод В.А. Корсуна, отметившего, что в 1990-е гг. «как-то плавно и незаметно происходит... процесс превращения КНР из сугубо региональной державы, делающей акцент на урегулирование отношений... со своими соседями по региону, в глобальную сверхдержаву, может быть, единственную, способную бросить вызов планетарным претензиям США»<sup>17</sup>.

## Изучение двустороннего российско-китайского сотрудничества

В целом подведение итогов изучения международных отношений Китая в период 1990-х годов оказалось полезным. Однако высокая динамичность текущей международной жизни потребовала незамедлительного переноса центра тяжести исследований на современные аспекты внешней политики КНР и анализ ее возможной эволюции в обозримой перспективе.

Весьма показательным в этом плане стал 2001 г., отмеченный такими событиями долгосрочного значения, как учреждение Шанхайской организации сотрудничества в составе Китая, России, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана (15 июня), подписание Россией и Китаем Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет (16 июля), направление в Афганистан войск антиталибанской коалиции, последовавшее за терактами в США 11 сентября, наконец, старт трехстороннего диалога ученых-политологов России, Индии и Китая.

Вполне логично, что основное внимание российских ученых оказалось сфокусировано на анализе различных направлений двустороннего сотрудничества между Россией и Китаем и на выявлении факторов, влияющих на его развитие.

Одной из первых **комплексных работ** по данной проблеме стала коллективная монография специалистов Института Дальнего Востока РАН «Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы» (руководитель проекта М.Л. Титаренко. М., 2005.

412 с.). Ученые рассмотрели воздействие внутреннего положения и внешней политики КНР на двусторонние отношения с Россией и проанализировали главные составляющие комплекса собственно двусторонних российско-китайских связей, в том числе торгово-экономическое, международное, военно-техническое и культурно-цивилизационное сотрудничество. В частности, были рассмотрены позиционирование России и Китая в Центральной Азии и ШОС (С.Г. Лузянин, Ю.С. Песков), роль фактора США в российско-китайских отношениях (Б.Т. Кулик, А.А. Свешников), «треугольники» Россия — Китай — Евросоюз (В.И. Балакин), Россия — Китай — Япония (А.В. Семин), Россия — Китай — Индия (С.В. Уянаев), роль фактора Тайваня в двусторонних отношениях (А.Г. Ларин) и возможности взаимодействия РФ и КНР в развивающихся странах (Е.И. Сафронова). Главы по различным аспектам практического двустороннего сотрудничества написали Ю.М. Галенович, В.Я. Портяков, М.В. Александрова, А.В. Шлындов, А.В. Ломанов.

В заключении работы были сформулированы развернутые выводы и предложения, многие из которых сохранили свою актуальность и поныне. Так, и сегодня для России «оптимальным вариантом остается всестороннее углубление российско-китайского сотрудничества, переход, прежде всего на базе прорыва в торгово-экономических и общественных связях, к модели реального соразвития двух стран». На наш взгляд, не снята с повестки дня и рекомендация монографии о разработке базового документа «Политика России в отношении Китая»<sup>18</sup>.

В то же время несколько преувеличенными оказались опасения возможности «укрепления стратегического сотрудничества между КНР и США... что было бы для нашей страны наихудшим сценарием»<sup>19</sup>. Определенные отголоски такой позиции проявились позже в заметной настороженности, с которой в России была встречена идея G-2 — создания «большой двойки» в составе США и Китая для де-факто руководства миром. Однако в реальной жизни отношения между РФ и КНР оказались вполне самодостаточными. Они, безусловно, подвержены влиянию различных внешних факторов, но все-таки следуют в первую очередь собственной логике развития.

Углубленный анализ влияния особенностей и перспектив развития Китая на нынешнее и будущее состояние его отношений с Россией был продолжен в работе «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития». Ее основная особенность состоит в том, что для рассмотрения китайской проблематики была применена методология, разработанная ранее в Институте экономических стратегий для анализа исторической динамики и перспектив развития России. Согласно ей, матрица состояния страны на каждый данный момент оценивается по девяти параметрам: управление, территория, природные ресурсы, население, экономическое развитие, культура и религия, наука и образование, вооруженные силы, внешняя политика<sup>20</sup>.

Один из главных выводов монографии заключался в том, что у России и Китая «совпадают и коренные национальные интересы, и целый ряд частных интересов как в области двусторонних отношений, так и в сфере региональных и глобальных проблем». Принципиально важной была констатация, что «каким бы ни было перспективное значение китайского фактора, важнее всего то, насколько жизнеспособным и эффективным станет само российское государство»<sup>21</sup>.

В работе была предпринята одна из первых в России попыток дать прогноз дальнейшей эволюции внешней политики КНР. Были предложены четыре сценария: первый — сосредоточение на мирном решении проблем; второй — попытки изменить ситуацию в свою пользу, в том числе не избегая конфликтов; третий — обострение отношений с Западом из-за попытки силового возвращения Тайваня (России рекомендовано «оставаться в стороне»); четвертый — маловероятный, но возможный — возникновение нестабильности в Китае (России также рекомендовано оставаться в стороне). Пожалуй, достаточно справедливым оказался итоговый вывод монографии: «по мере возвышения Китая внешняя обстановка будет все менее благоприятной для него и, возможно, даже

угрожающей». В этом контексте прогнозировался «рост заинтересованности китайской стороны в России»<sup>22</sup>, как известно, вполне проявившийся в 2009–2013 гг.

Одной из наиболее значительных работ стала коллективная монография «Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений» (2013). Отличительными особенностями исследования, получившего статус учебника для студентов вузов по специальности «международные отношения», явились, во-первых, сквозная хронологическая последовательность изложения от первых контактов двух государств и до наших дней и, во-вторых, весьма разносторонний коллектив авторов, представляющих Санкт-Петербургский (Н.А. Самойлов) и Тамканский (Тайвань, А.А. Писарев) университеты, Дипломатическую академию (Е.П. Баженов и А.В. Лукин), МГИМО (У) МИД РФ (А.И. Иванов), региональные научные центры Владивостока (В.Л. Ларин и Г.Н. Романова) и Красноярска (В.Г. Дацышен). В написанном А.В. Лукиным разделе о постсоветском периоде российско-китайских отношений рассмотрены их общая эволюция, значение Договора 2001 г., взаимодействие РФ и КНР в Центральной Азии и ШОС, форматах РИК и БРИКС, отношения в экономической области, сотрудничество в энергетике, инвестиционной, военно-технической и гуманитарной сферах. Итоговый вывод автора и всей монографии таков: «На основании изучения опыта развития КНР и современного состояния взаимодействия России и Китая для углубления и развития российско-китайских отношений и решения накопившихся в них проблем необходимо продолжить линию на развитие стратегического партнерства, при этом всемерно укрепляя собственную экономику, развивая собственные регионы. И это будет единственно верным ответом на китайский вызов»<sup>23</sup>.

Различные аспекты постсоветского этапа российско-китайского взаимодействия стали предметом рассмотрения и анализа десятков, если не сотен статей достаточно широкого круга авторов, включая высокопоставленных дипломатов (С.В. Лавров, А.Н. Бородавкин, И.А. Рогачев, С.С. Разов, А.И. Денисов, К.В. Внуков) и многих ученых. Именно это направление российской экспертизы по Китаю оказалось наиболее востребовано международным сообществом, результатом чего явилась регулярная публикация работ российских авторов по двусторонним отношениям России с Китаем в зарубежных журналах и коллективных монографиях<sup>24</sup>.

В числе конкретных аспектов российско-китайских отношений, привлечших повышенное внимание отечественных китаеведов, одним из первых следует назвать вопросы территориального размежевания и окончательного определения линии прохождения государственной границы между РФ и КНР.

В упоминавшейся выше коллективной монографии «Границы Китая: история формирования» детально показано становление границы между двумя странами (И.Т. Мороз, Н.В. Шепелева, Ю.М. Галенович), изложены малоизвестные перипетии советско-китайских переговоров 1920-х гг., затрагивавших вопросы прохождения границы, рассмотрен ход возобновившихся в 1987 г. переговоров между Советским Союзом и Китаем по пограничному вопросу, которые увенчались подписанием 16 мая 1991 г. Соглашения о государственной границе между СССР и КНР на ее Восточной части.

Подводя итоги советско- и российско-китайских пограничных переговоров в XX в., Ю.М. Галенович отметил, что «наши нации... в конечном итоге за много лет добились известного прогресса в оформлении прохождения линии границы. Но эта договоренность выглядит в известной степени временной, ибо она никак не заменяет прежние договоры...»<sup>25</sup>. В дальнейшем он и ряд других ученых (например, В.С. Мясников) не раз высказывались в пользу замены соглашений, определяющих линию прохождения границы между РФ и КНР на отдельных участках, на единый новый договор о границе.

Эту точку зрения, однако, не поддерживают в МИД России, где считают, что после подписания Соглашения о российско-китайской границе на ее Западной части (3 сентября 1994 г.) и Дополнительного соглашения о границе на ее Восточной части (14 ок-

тября 2004 г.) формальных оснований для подготовки нового договора о линии прохождения границы нет.

Тем не менее, интерес к вопросам подготовки и реализации договоренностей о линии прохождения российско-китайской границы на протяжении всего периода 2001–2013 гг. оставался высоким. Это связано с рядом причин.

Во-первых, главное в том, что многие китайские историки продолжают отстаивать собственную версию истории территориального размежевания Китая с Россией, чреватую формированием стойкой ирредентистской психологии у жителей страны<sup>26</sup>. Это заставляет российских ученых и дипломатов напоминать как об истории формирования двусторонней границы, так и о закреплении в статье 6 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. положения об отсутствии взаимных территориальных претензий.

Во-вторых, целый ряд участников советско- и российско-китайских переговоров о границе воспользовался представившейся возможностью поделиться своими воспоминаниями и размышлениями о различных этапах этого процесса. Мемуарно-аналитические публикации Ю.М. Галеновича, А.И. Елизаветина, В.Я. Воробьева<sup>27</sup>, Г.В. Киреева, отражая особенности личной позиции авторов, содержат множество ценных для специалистов и широкого круга читателей документов, фактов, деталей хода переговоров.

На мой взгляд, особый интерес представляет монография «Россия — Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров» (М., 2006), подготовленная Генрихом Васильевичем Киреевым, который в течение 35 лет непосредственно занимался пограничной тематикой в министерствах иностранных дел Советского Союза и России, а в 1992–1999 гг. возглавлял работу по обозначению границы на местности и подготовку основополагающих демаркационных документов — Протоколов-описаний линии российско-китайской государственной границы и прилагаемых к ним карт (вступили в силу 19 января 2000 г. после обмена соответствующими нотами МИД РФ и КНР). Г.В. Киреев в своей работе уделил заметное место разбору позиции владивостокского исследователя Б.И. Ткаченко, выступившего с критикой МИД РФ за якобы односторонние уступки китайской стороне в вопросе о линии прохождения границы на ее Восточной части. Характеризуя аргументы Б.И. Ткаченко как «то ли сознательную фальсификацию, то ли заблуждение от незнания», Г.В. Киреев напомнил о письме в защиту позиции МИД России политическому руководству страны от 31 марта 1997 г., подписанном рядом российских ученых, дипломатов, пограничников, участвовавших в различные годы в переговорах о границе (в их числе С.Л. Тихвинский, Б.Н. Верещагин, Ю.А. Нешумов и другие)<sup>28</sup>.

Б.И. Ткаченко, однако, своей позиции не изменил и продолжает отстаивать ее и поныне<sup>29</sup>.

Наконец, интерес к методологии позитивного для обеих сторон решения Китаем и Россией проблемы границы объективно подогревается наличием в мире незавершенных территориальных споров и желанием найти в российско-китайских договоренностях некие подсказки и технологии для их «расшивки». Основания для этого есть. Еще в 2006 г. А.Д. Воскресенский в предисловии к русскому изданию книги известного японского специалиста по пограничным вопросам Акихиро Иваситы отмечал: «Виден и контраст между тем, что российские и китайские руководители нашли в себе терпение, мудрость и понимание, чтобы несмотря на все издержки и сложности, решить в целом пограничную проблему на приемлемых для обеих стран условиях, и японскими политиками, которые... не хотят видеть, что достойные компромиссы в решении пограничных вопросов... могут дать... больше безопасности... чем бесконечные выяснения «кто прав, а кто виноват»<sup>30</sup>.

Как бы то ни было, решение вопроса о линии прохождения государственной границы, общее укрепление атмосферы доверия в двусторонних отношениях создали благоприятный фон для динамичного развития российско-китайского **межрегионально-**

**го взаимодействия.** Начавшись (и оставаясь в главном) как взаимодействие преимущественно торгово-экономическое, оно мало-помалу распространилось и на другие сферы — туризм, образование, культуру. Эта ситуация диктовала необходимость изучения и прогнозирования связей между РФ и КНР не только по межгосударственной линии, но и «с угла» конкретных регионов.

Безусловным лидером этого направления исследований стал В.Л. Ларин — директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток). Его работы отличаются объективным показом реальной, подчас достаточно противоречивой, картины российско-китайского взаимодействия, позволяющей корректировать исходящее иногда из Москвы одинаково неверное — сусальное — благостное или же, напротив, заведомо алармистское — отношение к КНР.

Приведу в качестве примера представленный В.Л. Лариным перечень того, что наши граждане получили благодаря китайцам, ориентированным на ведение бизнеса в России: наполнение рынка товарами ширпотреба и продуктами питания, конкуренцию на рынках труда, ценовую конкуренцию и удешевление местных товаров, инвестиции в недвижимость, наполнение федерального и местных бюджетов, стимулирование турбизнеса и завязанной на него сферы обслуживания, «повышение уровня личного благосостояния отдельных чиновников, таможенников, милиционеров, работающих с китайцами»<sup>31</sup>. Нельзя не отметить и весьма удачное название одной из книг Виктора Лаврентьевича — «В тени проснувшегося дракона»<sup>32</sup>, позволяющее, среди прочего, понять психологическую подоплеку далеко не однозначного отношения российского населения к возвышающемуся Китаю.

Постепенно сформировалась группа исследователей, специализирующихся на изучении приграничного и межрегионального российско-китайского сотрудничества, прежде всего, в торгово-экономической сфере<sup>33</sup>. Выявилось, что ученые из приграничных краев и областей, как правило, более позитивно оценивают состояние и перспективы такого сотрудничества, чем их коллеги из Москвы и не граничащих с КНР субъектов Федерации. Несходство позиций особенно наглядно проявилось в различии оценок Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. Она была положительно встречена и оценена в Благовещенске и Хабаровске, тогда как у экспертов из Новосибирска (В.В. Кулешов, А.Г. Коржубаев и другие) и Москвы (М.В. Александрова) сложилось впечатление, что Программа закрепляет сырьевую специализацию России в торгово-экономическом сотрудничестве с КНР<sup>34</sup>.

Растущую важность межрегионального сотрудничества в общем комплексе двусторонних российско-китайских отношений косвенно подтверждает тот факт, что к их анализу нередко обращаются известные специалисты-политологи московских научных центров. Так, С.Г. Лузянин предпринял одну из первых попыток выделить несколько групп российских регионов, начиная с Урала и далее к востоку, в зависимости от характера и структуры их экономических связей с провинциями Китая<sup>35</sup>. А.Д. Воскресенский, анализируя потенциал и вызовы регионального измерения российско-китайских отношений, пришел к выводу, что региональная компонента двусторонних торгово-экономических связей «по своей структуре и качеству все еще не соответствует провозглашенному стратегическому характеру отношений между двумя странами». Этому, по мнению автора, способствовало бы обеспечение по-настоящему устойчивого поступательного развития Дальнего Востока и Забайкалья<sup>36</sup>.

Решение о проведении в 2006 г. Года России в Китае, а в 2007 г. — Года Китая в России стимулировало изучение российскими китаеводами новой темы — **образа Китая в России и образа России в Китае.**

Среди работ первого направления наибольшую известность получила монография А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—



XXI веках». Она была написана на основе докторской диссертации автора и опубликована как нельзя кстати в 2007 г. По мнению А.В. Лукина, «современный образ Китая в России — сложная система, состоящая из многообразных представлений на различных уровнях». Автор вводит понятие «многочисленных субобразов Китая», имея в виду образы в различных регионах России и у различных групп населения. В книге детально прослеживается специфика представлений о Китае граждан современной России, придерживающихся различных идеологических воззрений — националистов, левых, либералов-западников, показана сложность изживания тех или иных стереотипов. Особо подчеркивается, что с приходом В.В. Путина к руководству страной «Китай стал рассматриваться как наиболее важный из азиатских партнеров»<sup>37</sup>.

Монография С.Л. Тихвинского, посвященная образу России в Китае, также охватывает период от первых контактов представителей двух держав в XVII в. до наших дней. Сугубо позитивно оценивая разворот российско-китайских связей к «отношениям добрососедства и стратегического партнерства» и всячески ратуя «за дружественное восприятие народами-соседями друг друга», Сергей Леонидович, тем не менее, был вынужден констатировать, что, «к сожалению, в Китае существуют условия для сохранения старых, антироссийских стереотипов среди части населения»<sup>38</sup>. В справедливости этих слов позволяют лишний раз убедиться комментарии некоторых издаваемых в Гонконге журналов, приуроченные к визиту Си Цзиньпина в Россию в марте 2013 г. Так, передовица журнала «Чжэнмин», припомнив России все ее мыслимые и немыслимые «прегрешения» перед Китаем, назвала выбор нашей страны для первой зарубежной поездки Си Цзиньпина в качестве Председателя КНР «крупным промахом нового руководства»<sup>39</sup>. В другом журнале — «Вайцань» — в связи с визитом руководителя КНР утверждается, будто «Россия... долгое время была преисполнена недоверия к Китаю в международных делах, а рядовые китайцы также не питают особых симпатий к северному соседу»<sup>40</sup>.

Так что утверждение подлинной атмосферы доверия между Китаем и Россией и их народами требует дальнейшей неослабной работы обеих стран.

Как отмечалось в еще одной обстоятельной работе российских китаеведов по данной теме, «современные российско-китайские отношения и производный от них образ России в Китае носят сегодня почти исключительно прагматично-функциональный характер, в них недостает эмоционального фона, искренней симпатии...». Этот недостаток предлагалось преодолевать усилиями по возвращению русского языка и русской культуры в Китай как достаточно массового явления, а не удела узкого круга профессионалов, а также настойчивой работой над последовательным улучшением образа Китая в России<sup>41</sup>.

Значительное внимание отечественные исследователи уделили **особенностям позиционирования Китая в международных организациях с его участием** и российско-китайскому взаимодействию в них.

Пожалуй, наибольшее число публикаций посвящено **Шанхайской организации сотрудничества**. На первых порах исследования в этой сфере активно вели Институт Дальнего Востока РАН, Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У)<sup>42</sup> и Российский институт стратегических исследований<sup>43</sup>.

Так, в 2005 г. был опубликован сборник статей по материалам «круглых столов» 2002–2004 гг. в Институте Дальнего Востока РАН «Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии», в котором рассматривались геополитическое и геоэкономическое значение Центральной Азии и интересы в регионе основных мировых игроков (В.В. Михеев, В.Б. Якубовский), место ШОС в российско-китайских отношениях и влияние американского фактора на взаимодействие РФ и КНР в организации и в регионе (Ю.С. Песков, А.А. Свешников, С.Г. Лузянин). В работе были сформулированы ближайшие тактические и долгосрочные задачи ШОС, отмечено, что «консолидация ШОС означает, в первую очередь, сближение

России и Китая». Предлагалось проработать «возможность проведения ШОС всего спектра миротворческих операций». Прогнозировалось, что «Шанхайская организация сотрудничества при условии умелой организации ее политического и экономического потенциала может стать мощным международным центром силы»<sup>44</sup>.

За этой монографией последовал целый ряд новых работ по аналогичной проблематике<sup>45</sup>. Вопросы российско-китайского взаимодействия в интересах совершенствования деятельности ШОС периодически рассматривались в журнальных публикациях В.Я. Воробьева, Л.П. Моисеева, К.М. Барского<sup>46</sup> — национальных координаторов РФ в этой организации в разные годы. Хотя в них преобладает официальный оптимизм, в последнее время наблюдаются и элементы косвенной критики ШОС, которая далеко не оправдала дававшихся ей авансов. Так, В.Я. Воробьев, напомнив, что саммит Организации в Пекине в 2012 г. дал старт подготовке среднесрочной стратегии ее развития, отметил необходимость нацелить стратегию на «обеспечение динамизма в деятельности ШОС»: «она должна предполагать своевременную корректировку устаревающих моментов... во избежание появления застойных явлений или опасных тромбов»<sup>47</sup>. На наш взгляд, обобщение опыта деятельности ШОС с 2001 г., предлагаемое дипломатом, будет полезным только в том случае, если обретет характер серьезного критического анализа причин пробуксовки сотрудничества в организации на важнейших направлениях, особенно в сфере экономики.

**Сотрудничество в формате Россия — Индия — Китай (РИК)** начало обретать реальные очертания с сентября 2001 г., когда в Москве состоялась первая встреча ученых-политологов трех стран. Последняя по времени такая встреча, уже 12-я по счету, прошла в Дели в ноябре 2012 г. Диалог ученых помог запуску регулярных встреч министров иностранных дел России, Индии и Китая, а затем и развертыванию секторальных диалогов о перспективах сотрудничества в сельском хозяйстве, здравоохранении, преодолении последствий чрезвычайных ситуаций. Основные итоги встреч ученых регулярно подводятся в журнале «Проблемы Дальнего Востока»<sup>48</sup>. Выступления участников трехсторонней конференции периодически публикует журнал индийского Института китайских исследований «China Report».

В 2004 г. в Институте Дальнего Востока был издан сборник основных докладов российских, индийских и китайских участников трех первых конференций, констатирующий «богатый позитивный потенциал трехстороннего сотрудничества» в связи со схожестью глобальных приоритетов и задач внутреннего развития трех государств, взаимопересекающимися интересами поддержания глобальной стабильности и улучшением всех трех пар двусторонних отношений в формате РИК<sup>49</sup>.

Трехстороннему сотрудничеству посвящена специальная глава в монографии российских индологов «Индия — Россия: стратегия партнерства в XXI веке». Согласно прогнозу ее автора Т.Л. Шаумян, «сохранение стабильности отношений между Россией и Индией, Россией и Китаем и необратимость процесса улучшения отношений между Индией и Китаем создадут условия для повышения роли трехстороннего политического и экономического сотрудничества на мировой арене, в том числе и в их консолидированной борьбе против формирования однополярного мира»<sup>50</sup>.

Российские китаеведы исходят из того, что у формата РИК сохранилась своя уникальная ниша сотрудничества и после достаточно динамичного запуска взаимодействия в формате **БРИКС** (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Интересы Китая в БРИКС также становятся предметом специального анализа отечественного китаеведения. Как отметил С.В. Уянаев, Пекин видит в БРИКС конструктивный фактор формирования более сбалансированного, справедливого и рационального миропорядка. Одновременно КНР настойчиво предлагает активизировать сотрудничество участников в «практически значимых сферах». В целом взаимодействие в формате БРИКС включено в перечень внешнеполитических приоритетов КНР<sup>51</sup>.

Всем трем вышеупомянутым форматам посвящены отдельные разделы в сборнике выступлений директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко на российских и международных конференциях «Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире»: раздел VI «Россия и Китай в Центральной Азии. Растущая роль ШОС» и раздел VIII «РИК и БРИК — новый формат сотрудничества и диалога»<sup>52</sup>.

### **Комплексный анализ современной внешней политики КНР и ее отношений с отдельными странами и регионами**

Современное российское китаеведение отличается явно выраженным креном на изучение отношений России с Китаем, тогда как другим направлениям внешней политики КНР уделяется меньше внимания, чем следовало бы. К тому же к таким исследованиям частенько к месту и не к месту пристегивается «российский фактор», и объектом изучения нередко выступают не двусторонние отношения Китая с той или иной страной, а далеко не всегда оправданные, подчас искусственно конструируемые отношения в «треугольниках» в составе Китая, России и какой-либо еще страны или региона.

Кроме того, исследователями отношений Китая с большинством зарубежных государств (пожалуй, кроме США) обычно выступают не китаеведы, а специалисты других страноведческих профилей. Поэтому, например, картина китайско-японских отношений сформирована в российском общественном сознании добротными трудами японоведов и востоковедов — прежде всего А.В. Семина, Г.Ф. Кунадзе, В.В. Михеева, В.О. Кистанова<sup>53</sup>, однако видение этих отношений с «китайского угла», базирующееся на китаеязычных источниках, по сути дела отсутствует. То же самое можно сказать и о весьма непростых на современном этапе отношениях КНР с корейскими государствами и с Вьетнамом — корееведы и вьетнамисты проявляют здесь гораздо большую активность, чем китаеведы<sup>54</sup>.

Немногочисленны российские публикации по таким популярным в мире сюжетам, как отношения КНР с Европейским союзом<sup>55</sup> и африканскими государствами<sup>56</sup>, странами арабского мира, Ближнего и Среднего Востока.

Лишь в самые последние годы предметом специальных исследований стали отношения КНР с иными, помимо государств Центральной Азии, республиками Содружества независимых государств и странами Балтии<sup>57</sup>.

В то же время российское китаеведение демонстрирует высокую активность в изучении отношений **КНР с США**. Это объясняется пониманием объективной важности состояния американо-китайских отношений для международной обстановки в целом и очевидным опасением не просмотреть оформления чего-либо вроде нового варианта биполярного мира с Китаем и Соединенными Штатами в качестве его полюсов.

Роль фактора Тайваня в американо-китайских отношениях и историческую взаимосвязь политики КНР на советском и американском направлениях детально исследовал российский дипломат Г.В. Зиновьев<sup>58</sup>. Мне представляется справедливым его вывод, что «с распадом СССР взаимоотношения Пекина с Вашингтоном и Москвой перешли в новое качество. «Холодная война» и биполярный мировой порядок ушли в прошлое, что самым существенным образом трансформировало треугольник Вашингтон — Москва — Пекин. США остались единственной сверхдержавой и не нуждались более в такой конфигурации»<sup>59</sup>.

Реанимация некоторых мотивов «треугольника» пришлось уже на 2000-е годы и объяснялась определенной обеспокоенностью США динамичным российско-китайским сближением. В последние годы ряд ученых предпочитает рассматривать китайско-американские отношения как часть «треугольника». Так, А.С. Давыдов полагает, что «взаимоотношения в тройственной конфигурации РФ — США — Китай будут иметь для России ключевое значение... И хотя говорить о реальности полноценного трехстороннего формата сегодня, к сожалению, не приходится, это не означает, что роль и важность

России, даже уступающей двум другим странам по экономическим критериям, становится в их взаимоотношениях менее существенной и весомой». У России, считает А.С. Давыдов, есть преимущества перед двумя сильнейшими (членами треугольника), «которыми она может и должна воспользоваться»<sup>60</sup>.

О.А. Тимофеев (Амурский госуниверситет, Благовещенск) уделит основное внимание двусторонним отношениям КНР и США: диалоговым механизмам, торгово-экономическим связям, особенностям подходов к Китаю различных американских президентов<sup>61</sup>.

Представляется в целом оправдавшимся и по-прежнему актуальным прогноз В.Б. Амирова, сделанный еще в 2007 г.: «не только в американском экспертном сообществе, но и на государственном уровне... скорее всего продолжится борьба курсов на «сдерживание» Китая или на его «конструктивное вовлечение» в мировые дела, либо на сочетание того и другого — на конкуренцию с Китаем за лидерство в АТР в сочетании с партнерством там, где для Соединенных Штатов это представляет несомненный интерес»<sup>62</sup>.

Впрочем, по мнению Я.В. Лексютинной, в целом в первый срок пребывания у власти в США администрации Б. Обамы американо-китайским отношениям была свойственна «возросшая нестабильность и усилившаяся конфликтность». Более того, инициированный Б. Обамой внешнеполитический курс на «возвращение в Азию»... вступил в противоречие с интересами Китая»<sup>63</sup>.

В данном контексте вполне оправданным стало повышение в последние годы внимания российских экспертов к политике **КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе**, которая включает в себя целый ряд относительно самостоятельных «дочерних» направлений. В их числе шаги Пекина по утверждению своего суверенитета над островами Южно-Китайского (Парасельские и Спратли — Сиша и Наньша) и Восточно-Китайского морей (Дяояйдао — Сэнкаку) и его позиция по урегулированию конфликтов с другими претендентами на эти территории, подход к обеспечению безопасности на Корейском полуострове, отношения с государствами-членами АСЕАН, позиционирование по отношению к различным многосторонним форматам в АТР, таким как Восточно-Азиатский саммит и Транстихоокеанское партнерство.

Как полагает В.И. Трифонов (ИДВ РАН), «хотя политика Китая все больше приобретает глобальный характер, однако главным центром активности КНР является Азиатско-Тихоокеанский регион». По его мнению, вес и влияние КНР в регионе возросли, «Пекин существенно потеснил в АТР Соединенные Штаты и Японию»<sup>64</sup>. Вместе с тем, вряд ли уже сегодня можно говорить о безоговорочном лидерстве Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Его утверждению в этом качестве препятствуют, по мнению главы Московского центра Карнеги Д.В. Тренина, «неразрешенные стратегические разногласия» со странами Юго-Восточной Азии, грядущее соперничество с другой «восходящей» державой Азии — Индией и, конечно же, «большая, чем когда-либо, решимость сдержать» растущую мощь Китая на море и в воздухе, демонстрируемая Японией<sup>65</sup>. Кстати, еще несколько лет назад Г.Ф. Кунадзе обратил внимание, «что претендующая на спорные острова сторона в вопросе о Сэнкаку — Китай... выступает с предельно жестких ультимативных позиций, по сути, исключающих возможность компромисса... Складывается впечатление, что Китай в вопросе о Сэнкаку» стремится «не столько к урегулированию спора, сколько к его сохранению... для целей политического давления на оппонента»<sup>66</sup>.

Что касается возможной реакции России, то Д.В. Тренин считает, что «Москва, скорее всего, будет придерживаться нейтралитета по ряду территориальных проблем на восточной и южной периферии КНР»<sup>67</sup>. Не затрагивая непосредственно спор о суверенитете над островами, В.И. Трифонов полагает «актуальным принятие странами региона действенных мер по стабилизации обстановки», напоминая в этой связи о договоренно-

сти глав КНР и РФ (от сентября 2010 г.) совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в АТР<sup>68</sup>.

Поступательное усиление веса Азиатско-Тихоокеанского вектора в самостоятельном внешнеполитическом курсе России требует дальнейшего систематического и глубокого изучения общей направленности и нюансов внешней политики КНР в данном регионе.

Работы с **общей комплексной характеристикой внешней политики и международных отношений Китая** остаются в России немногочисленными. К их числу можно отнести монографию Е.О. Подолько «Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики» (2006)<sup>69</sup>, цитировавшийся выше коллективный труд ученых Института мировой экономики и международных отношений под редакцией Г.И. Чуфрина «Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности» (2007), монографию В.Я. Портякова «Становление Китая как ответственной глобальной державы» (2013)<sup>70</sup>.

Комплексным охватом отличаются в большинстве случаев международно-политические разделы ежегодника Института Дальнего Востока РАН «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура». Так, последний из них — Ежегодник за 2012–2013 гг. — анализирует политическое, торгово-экономическое и международное сотрудничество России и Китая (авторы — соответственно, В.Е. Петровский, С.В. Уянаев и М.В. Александрова), общие проблемы внешнеполитического курса КНР (В.И. Трифонов), отношения Китая со странами СНГ (А.И. Мокрецкий), США (А.С. Давыдов), ЕС (А.О. Виноградов), Индией (С.В. Уянаев), Афганистаном (А.Ф. Клименко и Ю.В. Морозов), позицию КНР в форматах РИК и БРИКС (С.В. Уянаев), ШОС (С.Г. Лузянин), политику Пекина на Ближнем Востоке (К.В. Антипов), в странах Африки и Латинской Америки (Е.И. Сафронова)<sup>71</sup>.

Изменения во внешней политике Китая последних лет рассмотрены также в обобщающих статьях М.В. Мамонова<sup>72</sup>, С.Г. Лузянина<sup>73</sup>. В серии статей В.Я. Портякова об особенностях «послеолимпийского» (2008 г.) внешнеполитического курса Пекина<sup>74</sup> проанализированы причины активизации КНР на мировой арене. В их числе — рост экономической мощи, давление националистических настроений в обществе на руководство страны, расчеты на ослабление США и скорое обретение Китаем сверхдержавного статуса. Хотя с конца 2010 г. Китай пытается несколько скорректировать свою манеру поведения в международном сообществе, внешнеполитическая платформа XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.) свидетельствует о его готовности жестко отстаивать свои интересы и в условиях декларируемой приверженности мирному пути развития.

В целом сделан вывод, что период доминирования заветов Дэн Сяопина, в том числе центрального из них — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя» — как руководящего курса практической внешней политики КНР постепенно завершается<sup>75</sup>.

\* \* \*

В заключение совсем коротко о некоторых проблемах, с которыми сталкивается изучение международных отношений и внешней политики Китая в современной России.

Количество пишущих по этой информационно неисчерпаемой теме неуклонно растет, но оно явно не переходит в качество. Экспертов, базирующих свои выводы и прогнозы на изучении солидных китайязычных первоисточников, вполне можно пересчитать на пальцах двух рук, а то и одной. Обширная научная литература по международным отношениям, включая периодику, которая издается в КНР, плохо известна в России. То же можно сказать и об англоязычной литературе по Китаю — она стала существенно менее доступной, чем в советские времена, отчасти из-за дороговизны, отчасти из-за общей утраты в стране культуры работы с научной информацией (интернет-ресурсы восполняют этот пробел лишь отчасти).

Еще печальнее то обстоятельство, что малодоступными даже для специалистов стали многие работы российских китаеведов. Причина — малотиражность и дорого-

визна книг и журналов. Возникла вполне реальная угроза разрыва единого для всей России научно-образовательного пространства по Китаю, в том числе по международным отношениям и внешней политике, его распада на множество локальных версий китаеведения, производимых и воспроизводимых в высших учебных заведениях различных регионов страны.

В нынешней ситуации настоятельно требуется подготовка совместными усилиями ведущих китаеведов-международников России «Истории международных отношений и внешней политики КНР», которая охватывала бы период с конца 1980-х годов и могла бы служить стандартом и своего рода справочником для преподавателей, журналистов и российской общественности.

1. Обсуждение сборника статей «История и современное состояние китайско-российских отношений» [Кайфэн, 2004. На кит. яз.] // Пробл. Дальнего Востока (далее ПДВ). М., 2005. № 3. С. 8–43; № 4. С. 17–42. В «Круглом столе» принимали участие: М.Л. Титаренко, В.Я. Портяков, Н.Л. Мамаева, Ю.М. Галенович, А.А. Свешников, А.В. Островский, М.В. Александрова, А.Г. Ларин, В.Б. Кашин, Е.Д. Степанов, В.Ф. Бородин, Ю.С. Песков, С.Л. Тихвинский, Р.А. Миrowsкая, М.В. Крюков, А.С. Ипатова, И.Б. Кульчицкая, Н.А. Самойлов, А.А. Москалев, С.Г. Лужанин, В.И. Балакин.
2. См.: ПДВ. 2011. № 1. С. 45–123.
3. Круглый стол в ПДВ. Фактор Китая в взаимоотношениях РФ и США // ПДВ. 2012. № 2. С. 75–122. С российской стороны в заочном круглом столе приняли участие: А.С. Давыдов, Ю.А. Дубинин, А.С. Крушинский, А.Г. Ларин, В.И. Трифонов, С.М. Труш. С американской стороны — Эзра Вогель, Джон Гарвер, Лоуэлл Диттмер, Джун Дрейер, Эллис Миллер, Грегори Мур.
4. Пяти принципам мирного сосуществования и их месту в дипломатии КНР посвящена книга: *Волохова А.А.* Основы китайской дипломатии. М., 2007. 151 с.  
А. Мардашова принадлежит глава об экономической дипломатии Китая в коллективной монографии «Экономическая дипломатия в эпоху глобализации» под редакцией Л.М. Капицы (М.: МГИМО (У), 2010).  
См. также: *Портяков В.* Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен // ПДВ. 2011. № 1. С. 135–149.
5. *Куликова Г.В.* Россия — Китай: народная дипломатия. Общество российско-китайской дружбы. М., 2012. 512 с.
6. *Ломанов А., Борох О.* Стратегия создания «могущественного культурного государства» (о решениях 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва) // ПДВ. 2012. № 1. С. 4–16.
7. Специальный опрос общественного мнения был, в частности, проведен при подготовке работы А.Г. Ларина «Китайские мигранты в России» (М., 2009). Данные об опросах общественного мнения в КНР и США широко используются в работах Д.В. Кузнецова (Благовещенск). См., например: *Кузнецов Д.* Место, роль и политика КНР в международных отношениях в зеркале китайского общественного мнения // Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012. С. 231–277.
8. Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли. 2001. С. 6–7.
9. Указ. соч. Гл. 5. С. 403–449.
10. *Степанов Е.Д.* Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М.: ИДВ РАН. 244 с.
11. См.: *Канаев Е.А.* Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: Готика, 2007; *Лексютин Я.* Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // ПДВ. 2011. № 5. С. 30–41; *Мосяков Д.В.* Политика Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии и ее влияние на безопасность и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. СПб., 2013. С. 77–92; *Колотов В.Н.* Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. С. 58–76.
12. *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. С. 9.

13. Там же. С. 289, 607.
14. Китай в мировой политике. М.: МГИМО (Университет), 2001. 523 с.
15. Там же. С. 482–483.
16. Корсун В.А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002. С. 66, 69.
17. Там же. С. 110.
18. Российско-китайские отношения: Состояние, перспективы. М., 2005. С. 402–403, 407.
19. Там же. С. 399.
20. Кулик Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006, 656 с. На предпоследней странице книги отмечается, что при ее подготовке представили свои разработки Е.С. Баженова, Я.М. Бергер, Ю.М. Галенович, Л.М. Гудосников, П.Б. Каменнов, М.В. Крюков, А.В. Ломанов, А.В. Островский, И.А. Петухов, В.Я. Портяков, А.А. Свешников, Е.Д. Степанов.
21. Там же. С. 567, 570.
22. Там же. С. 574–577.
23. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 689.
24. Среди последних по времени публикаций: *Lukin A.* Russia and Ascendant China // *China Rise: Threat or Opportunity?* Routledge, Singapore. 2013. P. 52–79; *Portyakov V.* Russian-Chinese Relation: Current Stage and Future Prospects // *R/Evolutions*. Poznan: Adam Mickiewicz University. 2013, Vol. 1, Issue 1. P. 234–245; *Voskressenski A.* The Structural Stages of Russian-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage // *Eurasian Review* / Kookmin University. Seoul. 2012. Vol. 5, Nov.
25. Границы Китая: история формирования. С. 221.
26. См., например: *Цзян Чанбинь*. Эволюция восточного участка китайско-российской границы (Чжун Э гоцзе дундуань дэ яньбянь). Пекин, 2007. 489 с; Хронология неравноправных договоров в новой истории Китая [Чжунго цзиньдай бу пиндэн тяоюэ няньбяо]. Пекин, 2012. 167 с.
27. *Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX веке: Граница. М.; Изограф, 2001 (часть II монографии называется «Что от нас хотел Пекин? Воспоминания участника советско-китайских переговоров 1960–1970-х гг. С. 80–308); *Елизаветин А.И.* Записки советского посла. М., 2012; *Воробьев В.* Об урегулировании пограничных вопросов с КНР (Заметки, навеянные воспоминаниями китайских дипломатов) // ПДВ. 2012, № 2. С. 70–74; *Воробьев В.* Неизвестные страницы пограничных переговоров с Китаем // *Международ. жизнь*. 2006. № 12. С. 56–61.
28. *Киреев Г.В.* Россия — Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М.: РОССПЭН, 2006. С. 230, 305–309.
29. В 2010 г. вышла в свет новая монография Б.И. Ткаченко «Восточная граница между Россией и Китаем в документах и фактах» (Владивосток, 2010. 364 с), где, в частности, утверждается, что разрешение в 2004 г. проблемы островов в районе Хабаровска и в верховьях реки Аргунь «наносит геополитический ущерб интересам России в настоящее время и в будущем».
30. *Воскресенский А.Д.* Исторические омуты книги профессора Акихиро Ивасита. Предисловие к русскому изданию книги Акихиро Ивасита «4000 километров проблем. Российско-китайская граница». М., 2006. С. 45.
31. *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI века). М., 2005. С. 272–273.
32. *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX — XXI веков. Владивосток, 2006.
33. Назовем М.В. Александрову из Института Дальнего Востока РАН — автора монографий «Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ» (М., 2003. 179 с.) и «Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ» (М., 2005. 262 с.), Л.Н. Понкратову из Амурского государственного университета (Благовещенск), Е.И. Деваеву и Н.И. Рыжову из Института экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск).
34. См.: *Кулешов В., Атанов Н., Безруков Л., Коржубаев А., Малов В., Санеев Б., Сысоева Н.* О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // ПДВ. 2010. № 6. С. 62–69; *Александрова М.В.* Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: вчера, сегодня, завтра — в кн. Российско-китайское сотрудничество в Северо-

- Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию (доклады российско-китайской конференции 11 октября 2011 г.). М., 2012. С. 105–117.
35. *Лузянин С.Г.* Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // *Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения.* Владивосток, 2008. С. 156–180.
  36. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы регионального измерения отношений // *Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте...* С. 70–136.
  37. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М., 2007. С. 486, 482.
  38. Восприятие в Китае образа России // *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения: в 5 кн. М., 2012. Кн. 6. Доп. С. 228.
  39. Крупный промах нового руководства [Синь баньцзы и да байби] // *Чжэнмин, Гонконг.* 2013. № 427, май. С. 2–3.
  40. *Чжан Вэй.* «Политический вальс» Си Цзиньпина (Си Цзиньпин дэ «чжэнчжи хуаэрцы») // *Вайцань.* Гонконг, 2013. № 5. С. 17.
  41. Основные особенности современного внутри- и внешнеполитического курса китайского руководства и их влияние на образ России в Китае / Руководитель авторского коллектива В.Я. Портяков, отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова) // *Китай в мировой и региональной политике: История и современность.* М.: ИДВ РАН, 2008. Вып. 13 (Спец.). С. 272–274.
  42. См.: *Лукин А., Мочульский А.* Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития — Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М., 2005. Вып. 2.
  43. См.: *Комиссина И.Н., Куртов А.А.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М., 2005. 118 с.
  44. Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии / отв. ред. А.В. Болятко; сост. А.Ф. Клименко). М.: ИДВ РАН, 2005. С. 216–221.
  45. См., например: *Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества.* М.: ИДВ РАН, 2006. 239 с; *Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества.* М.: ИДВ РАН, 2008. 180 с.
  46. См., например: *Барский К.* Центральная Азия под «непроемокаемым зонтиком» ШОС // *Международ. жизнь.* 2012. № 5; *Он же.* Шанхайская организация сотрудничества накануне саммита в Бишкеке: основные задачи момента // *Международ. жизнь.* 2013. № 5; *Мусеев Л.П.* Через ШОС снимается масса проблем // *Международ. жизнь.* 2010. № 6.
  47. *Воробьев В.* Некоторые аспекты подготовки стратегии Шанхайской организации сотрудничества // *Международ. жизнь.* 2013. № 7. С. 126–132.
  48. См., например: *Уянаев С., Портяков В.* Об итогах 11-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая // *ПДВ.* 2012. № 1. С. 32–37; *Уянаев С.* Россия — Индия — Китай: 12-я трехсторонняя конф. ученых // *ПДВ.* 2013. № 1. С. 19–24.
  49. *Уянаев С.* Проблема трехсторонних отношений России, Индии и Китая: Предисловие // *Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления.* В 2-х т. М.: ИДВ РАН, 2004. Т. 1. С. 10–11.
  50. *Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л.* Индия — Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009. С. 1124–1125.
  51. *Уянаев С.* Интересы Китая в БРИКС: отражение роли и стратегии КНР в мире // *ПДВ.* 2012. № 6. С. 4–19.
  52. *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012. С. 397–432, 474–540.
  53. См., например: *Семин А.В.* Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX — начало XXI века). М.: ИДВ РАН, 2008; *Кунадзе Г.Ф.* Китай во внешней политике Японии // *Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности.* М., 2007. С. 178–196; *Михеев В.В.* Китай — Япония: Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН, 2009; *Кистанов В.* Антикитайская сеть Японии. Токио создает сдержки и противовесы Пекину по всему миру // *Независимая газ.* 2013. 10 июля.



54. См.: *Федоровский А.Н.* Корейский полуостров и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 217–236; *Колотов В.Н.* Вьетнам между США и КНР: историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе // Основные тенденции политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. СПб., 2011. С. 289–305.
55. См.: *Носов М.Г., Смольников С.В.* ЕС—Китай на пути к глобальному партнерству. М.: Ин-т Европы РАН, 2005. 49 с.; *Мардашев А.* Китайская Народная Республика и Европейский союз: процесс становления всестороннего стратегического партнерства и перспективы его дальнейшего развития // ПДВ. 2009. № 3. С. 7–15; *Майборода Д.* Саммиты КНР — ЕС // ПДВ. 2010. № 3. С. 20–28.
56. Здесь следует выделить монографию Т.Л. Дейч «Африка в стратегии Китая» (М.: Ин-т Африки РАН, 2008. 326 с.).
57. См.: *Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая.* М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2013.
58. *Зиновьев Г.В.* История американо-китайских отношений и тайваньский вопрос. 2-е изд. Томск, 2007; *Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб., 2010.
59. *Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. С. 315.
60. *Давыдов А.* КНР — США — Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен? // ПДВ. 2013. № 2. С. 67–83. Здесь — С. 81.
61. *Тимофеев О.А.* Американо-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции // Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012. С. 82–127.
62. *Амиров В.Б.* Соединенные Штаты: демистификация Китая? // В кн.: Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 175.
63. *Лексютина Я.В.* США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011. С. 206–207.
64. *Трифонов В.И.* Внешняя политика КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура, 2012–2013. М., 2013. С. 263.
65. *Тренин Д.* Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга — М., Московский центр Карнеги, 2012. С. 30–31.
66. *Кунадзе Г.Ф.* Китай во внешней политике Японии — В кн.: Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. С. 192.
67. *Тренин Д.* Указ. соч. С. 64.
68. *Трифонов В.И.* Указ. соч. С. 264–265.
69. *Подолько Е.О.* Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики. М.: Дипломат. акад. МИД России, 2006. 210 с.
70. *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.
71. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура, 2012–2013. С. 215–374.
72. См.: *Лузянин С.Г., Мамонов М.В.* Китай в глобальных и региональных измерениях: ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. Вып. 16. С. 5–31.
73. *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая: от регионального к глобальному // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 31–54.
74. *Портяков В.* О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. // ПДВ. 2012, № 2. С. 27–42; *Портяков В.* Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // ПДВ. 2013. № 2. С. 52–66; *Портяков В.* О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 г. // ПДВ. 2013. № 3. С. 50–58.
75. *Портяков В.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // ПДВ. 2012. № 5. С. 14–27. Здесь — С. 24.